в своем роде историк своей нации, в течение более 650 лет пролежал почти в пыли», оставаясь надлежаще неизвестен иностранцам. Шлёцер опровергает суждения английского историка, будто русские не обнародовали своих летописей, стремясь скрыть свое варварское прошлое. Он утверждает, что нет ни одной нации в Европе, предки которой не были бы варварами, и «убедительно» открывает «неожиданную новость» для таких историков, что в XI—XII вв., когда вся Европа знала только римскую монашескую ученость, в России процветали греческие науки и искусства; в России были публичные школы, учрежденные в 988 г. Владимиром Великим, были писанные законы, данные Ярославом в 1016 г., были туземные летописцы — Нестор родился в 1016 г. Одним словом, Россия «никогда со времени принятия христианства даже в мрачнейшие времена средневековья не оставалась вполне без наук».[10] Неудивительно, что при таком одушевленном отношении к прошлому России Шлёцер говорил о своем «русском патриотизме» или о «моей русской гордости».[11]

Шлёцеровский взгляд на прошлое России явился основой для установления его отношения к труду признанного им, как мы видели, «отца русской истории». Но для понимания шлёцеровских оценок «Истории Российской» необходимо вникнуть также в различие ученого уклада обоих выдающихся историков. Шлёцер прошел лучшую в те времена в Европе геттингенскую филологическую школу. Она не только обусловила его дальнейшую научную деятельность, но и глубочайше соответствовала его природным склонностям. В 1803 г., подводя некоторый итог своей 32-летней (по его расчету) научной деятельности, Шлёцер писал, что «все» его работы «суть скорее только критико-исторические».[12] В своем большом историографическом труде Ф. Вегеле вполне подтверждает эту самохарактеристику Шлёцера: он не считает Шлёцера выдающимся «историком-писателем» (Geschichtsschreiber), но видит в нем «действительно выдающегося историка-исследователя» (Geschichtsforscher).[13] Нечего говорить, что живой и кипучий

---

[10] Schlözer A. L. Probe russischen Annalen. Bremen und Göttingen, 1768, S. 13, 44—45, 164—165.

[11] Общественная и частная жизнь..., с. 164. — В том же 1802 г., когда появилась эта книга (и, добавим, «Нестор»), лекции Шлёцера слушал в Геттингенском университете молодой Александр Иванович Тургенев. Вот что он писал своим родителям 31/19 октября 1802 г.: «Профессор Шлёцер мне отменно полюбился за свой образ преподавания и за то, что он любит Россию и говорит о ней с такою похвалой и с таким жаром, как бы самой ревностной сын моего отечества». Далее Тургенев передает слова лекции, где говорится «о влиянии, какое делает Россия на всю Европу» (Архив братьев Тургеневых, вып 2. СПб., 1911, с. 29).

[12] См.: Модзалевский Б. Л. К биографии А. Л. Шлёцера, с. 22 (по оттиску из «Изв. ОРЯС», 1903, т. VIII, кн. I).

[13] Wegele F. v. Geschichte der deutschen Historiographie. München und Leipzig, 1885; ср.: Fueter E. Geschichte der neueren Historiographie. 2. Aufl. München und Berlin, 1925, S. 374.